

Эти воспоминания, записанные Доктором — Гаральдом Феликсовичем Лукиным в канун 35-летия со дня ухода его отца, существовали в его ближайшем окружении как ксерокопированная машинопись в небольших переплетённых в ледерин брошюрах.

С отличавшей его прямоотой, которая нередко обжигала собеседников, говорит здесь Доктор о себе. Вместе с тем нельзя не заметить, насколько

многие строки о качествах «старого Доктора» приложимы к последующей жизни рассказчика-сына. Мы допустили лишь минимальное редактирование этих записей, не затрагивающее основной нерв его речи, с повторами и иными характерными «неправильностями», в которых для тех, кому доводилось слышать Доктора, так явственно звучат его живые интонации.

Феликс Денисович Лукин

Воспоминания сына Гаральда

Средняя человеческая память достигает возраста примерно от пяти лет. Часто бывает, что человек рассказывает случаи, которые произошли с ним в трёхлетнем возрасте или ещё раньше. Всё же, большей частью, это реконструкции с сообщённого позже, когда сам факт сообщения забылся.

Мои первые воспоминания тоже относятся к возрасту примерно пяти лет. И уже самые ранние из них сильно связаны с отцом — как отцом и как врачом.¹

Хорошо помню место, где мы жили, — на ул. Элизабетес, 77. Там находилась наша квартира. Там же была частная клиника отца. Уже самые первые воспоминания связываются с работой отца: с каким увлечением он рассказывал, большей частью за обеденным столом, о состоянии прооперированных больных. Помню, что вначале мать ассистировала при операциях.

Отец считался главным глазным врачом при железной дороге Рига–Орёл. В начале первой мировой войны, примерно в 1915 году, главное управление Рижско–Орловской железной дороги со всеми медицинскими подразделениями перевели в Витебск. Мы, дети, остались в Риге, а затем жили в деревенском доме сестры отца² в Геркенах, в Малпилской волости, в двадцати двух километрах от Сигулды. Там отец провёл своё детство. Дом находился в очень красивом месте на самом краю Марупского ущелья.

Год уже не могу восстановить в памяти, но, кажется, осенью 1915 года мать вместе со старшей сестрой уехала в Ригу. Там сестра должна была сдавать вступительные экзамены в школу.

Немецкое наступление нас отрезало. Мать с сестрой остались в Риге, отец — в Витебске; я с братом, когда немцы приближались к Малпилсу, вместе с родственниками на лошадях бежали в Россию.

Так мы с братом попали в Витебск, к отцу. Там у отца была большая практика. Больные ехали к нему на глазные операции с расстояния в несколько сот километров. В возрасте около девяти лет я начал ассистировать отцу при операциях.

Ярко запечатлелся в памяти случай, когда в возрасте 11 или 12 лет мне пришлось делать первую и единственную в своей жизни глазную операцию. Больной приехал более чем за сотню километров. Глаз у него был так сильно повреждён, что надо было делать срочную операцию, иначе второму глазу угрожала болезнь, которая называется симпатической офтальмией. У отца загноился палец — братья за операцию он не мог. Глаз надо было удалять. Перед операцией мы вместе с отцом повторили все приёмы операции по порядку.

Тогда я взялся оперировать. Всё шло благополучно. Сам глазной нерв толщиной примерно с карандаш. И его надо было

перерезать. Отец велел мне наложить на глазной нерв ножницы, и тогда он давлением своей руки помог перерезать зрительный нерв глаза. Таким образом и операция была успешно закончена.

В Витебске отец ещё работал только глазным врачом, и наплыв больных был нескончаем.

Отец, насколько достигает моя память, всегда был болен. Болел гастритом, который получил будучи молодым врачом в поездках по России, в составе колонны по борьбе с трахомой. Из того же времени помню, что отец болел и туберкулёзом, испытывая из-за этого сильную усталость, и побочным явлением была мучительная бессонница. Несмотря на такое тяжёлое состояние здоровья, отец работал всю жизнь с большой перегрузкой.

В 1918 году, после закона оптации³, мы вернулись из России домой и встретились с матерью и сестрой. Как долго — год или два — не помню, отец снова трудился с большой перегрузкой. Но так как он сам болел туберкулёзом и эту болезнь хорошо изучил, то начал принимать и туберкулёзных больных. Вначале просто заодно, потому что многие глазные болезни связываются с туберкулёзом. Первым противотуберкулёзным средством, которое употребил отец, была прививка Пондорфа. Так постепенно он начал принимать и других больных туберкулёзом. Успех был громадным, о чём несомненно свидетельствовал огромный наплыв больных. Позже, наряду с Пондорфом, подошли Лео-препараты из Дании. Отец в своих взглядах и в выполнении работы был очень последователен. Так, хотя у него были приобретены в очень большом количестве прививки Пондорфа и он в них вложил много денег, однако, когда он пришёл к убеждению, что препараты Лео дают больший успех,— все прививки Пондорфа были попросту выброшены.

Всё равно, к каким бы средствам лечения он ни прибегал, все они приносили успешные результаты. В то время ни отец, ни я, очень его любивший, не понимали истинной причины этих успехов и не видели их ключа.

Очень большое значение в жизни отца имели видения. Часто перед операцией он видел такие добрые знаки, которые означали, что операция удастся без осложнений: например, видел ярко сияющий операционный нож. Когда же видел

нож, покрытый ржавчиной, это означало, что надо быть внимательным и возможны осложнения.

Когда больных стало очень много, ему было тяжело их обслуживать и очень подавляло утомление; тогда он несколько раз в своих видениях увидел операционный нож, покрытый ржавчиной. Он обдумал и понял, что болезнь и чрезмерная работа довели его до такого состояния утомления, что он уже не может выполнять работу на совесть, и тогда он совсем отошёл от глазных операций. Была ещё одна побочная причина, также повлиявшая на его решение; со многими глазными болезнями, где применяли операции, он мог справляться терапевтическим путём; так и этот фактор способствовал решению полностью отказаться от операций.

Позже, в поисках новых решений в своём врачевании, ему также приходили на помощь видения.

Интересен случай с одним совсем простым видением, которое, однако, привело к резкому изменению в его оценке жизни, взглядах на разные явления её.

Он видел во сне, что находится в гостях, в неизвестном месте. Подходит дама, внешность которой он хорошо помнил, когда утром рассказывал об этом. Дама эта несла в хрустальной посуде разные фрукты. Подойдя к отцу, она предложила их ему, сказав: «Не отведаете ли моих фруктов?» Сон этот забылся, и отец удивлялся, что он не сбился. Примерно три года спустя отец очутился в Швейцарии, куда ездил для изучения медицины. Швейцарский врач, с которым он был знаком по своей учёбе, пригласил отца на ужин в свой дом. На этом вечере был эпизод: к отцу подошла дама и по-латышски предложила ему: «Не отведаете ли моих фруктов?» Отец был удивлён латышским обращением. Но — ещё больше — когда почувствовал, что знает эту даму, только сразу не мог припомнить, где с ней познакомился. И, перебирая в памяти, он констатировал, что это та самая женщина, которую он за несколько лет до того видел во сне. Это произвело на отца огромное впечатление. И он начал сознавать, что помимо этого физического существования есть ещё какое-то другое, нечто более тонкое, для нашего физического взора — неуловимый

мир. Вместе с этим, отец начал думать и о том, откуда же приходят все его видения, которые так точно исполнялись. И так в его сознании непоколебимо утвердился тот реальный взгляд, что помимо этой воспринимаемой нашими физическими органами физической, земной жизни существуют и другие миры. И ещё приходила мысль, что невидимые миры делятся на несколько градаций. Так он вспомнил, что ещё в России во сне предвидел Октябрьскую революцию и то, как она в своих основах расшатает весь мир и в конечном результате внесёт в жизнь людей всей планеты кардинальные перемены.

Вообще, видения в жизни отца занимали важнейшее место. К этому вопросу надо будет ещё вернуться, когда речь пойдёт о составлении лекарств из растений.

Из-за непомерного труда, приводившего его здоровье в тяжелейшее состояние, отцу несколько раз в течение жизни приходилось на время отказываться от своей работы и уезжать в Давос, лечиться в туберкулёзном санатории. Там он познакомился со швейцарским врачом Луциусом Шпенглером, который создал довольно известное в то время противотуберкулёзное средство ЭК. Так как в швейцарский санаторий отец попал в тяжелейшем состоянии, то он должен был там оставаться довольно длительное время. Это время он использовал рационально, взявшись за серьёзное изучение проблемы туберкулёза. С этой целью он прочитал все основные труды того времени по данному вопросу. Шпенглер и познакомил отца с препаратом ЭК и с его применением.

Вернувшись домой из Швейцарии, отец в практике начал наряду с другими лекарствами применять и препарат ЭК. И успех снова не отсутствовал.

В какой период отец перешёл на гомеопатическую основу в своём врачевании, не могу припомнить, и закономерность этого перехода также не могу полностью для себя восстановить. Только сознаю, что это могло произойти лишь с переменой внутреннего убеждения. Насколько интуитивно понимаю, здесь огромную роль играл тот факт, что в обычной медицине того времени в больших размерах применялись наркотические средства. И именно сильно

переменившись в своих взглядах на духовный мир, отец понял, что наркотические средства приносят некоторое умиротворение болезни, действуя всё же главным образом на симптомы болей, успокаивая или, при применении больших доз, совершенно их погашая. Но параллельно с этим отец замечал, что наркотические средства иногда — или постепенно — приводят истинные жизненные процессы в сильно подавленное состояние. То, что наркотические средства действуют угнетающе на жизненные процессы, это отцу уже тогда было ясно. Но каким образом производят они такое действие, это не было совершенно ясно. Потому что в то время в нём ещё не созрел реально вопрос о психической энергии, хотя он по своему внутреннему чутью и приближался постепенно к этому вопросу. В то время он полностью ещё не сознавал, какая необъятно широкая и мощная биохимическая лаборатория — сам человеческий организм, если рассматривать его физическое строение, но соотносительно с другими невидимыми состояниями.

Возможно, что именно проблема наркотических лекарств была одной из причин, которые привели его к гомеопатическому методу лечения.

Наряду с этим его внимание привлекла и иридодиагностика, т. е. установление диагноза по пятнам пигмента, которые отложились на радужной оболочке глаза.

Этот метод основан на принципе, что в микрокосме отражается всё, что происходит в макрокосме. Области на радужной оболочке глаза соответствуют определённым органам. И по состоянию этих областей устанавливается диагноз.

Он изучил множество книг по этому направлению. Однажды также ездил в Германию консультироваться и учиться у известного диагноста по глазам д-ра Шнабеля. Никогда в жизни не боялся он учиться у других, когда чувствовал и понимал, что кто-то в данном вопросе более компетентен. В этой поездке он соприкоснулся и с немецкими гомеопатами, перенимая и их опыт в своей области.

Так, приехав домой из Германии, он произвёл в своих медицинских воззрениях последовательную ревизию. И как итог этой ревизии — он полностью отходит от препаратов Лео и ЭК,

снова выбросив их все из дому, и полностью переходит на прописывание гомеопатических горошин Матеуса. Конечно, не сразу родился полноценный опыт. Но об этом отец никогда не беспокоился. В основе его взглядов всегда лежало внутреннее убеждение. Но прошло немного времени, и даже с этими гомеопатическими средствами дело быстро пошло вверх. Число больных быстро росло. И так продолжалось несколько лет.

Больше всех доволен был владелец гомеопатической аптеки, потому что его дело процветало как никогда. Через несколько лет от больных отец узнал, что лекарства стоят очень больших денег и что кое-кому из больных это не по карману. Отец пошёл к владельцу аптеки с просьбой снизить цены на лекарства. Владелец на такое предложение ответил полным отказом.

Тогда постепенно у отца родилась мысль самому собирать растения и самому приготавливать гомеопатические сборы в виде спиртовых настоек.

Здесь на помощь ему пришёл его мир видений. Концентрируясь на какой-либо болезни, он часто видел наяву то или другое или третье растение. Так, комбинируя их, он создал первые сборы своих гомеопатических спиртовых настоек. И в применении их на практике успех был ещё больше, нежели с аптечными горошинами Матеуса. Так снова, в результате ревизии своих взглядов, отец полностью отказался от выписывания аптечных рецептов и давал сам свои сборы. Наплыву больных не было конца, и отцу снова пришлось отправиться в Швейцарию отдохнуть и подлечиться. У каждого вещества имеется своё максимальное сопротивление. В металлургии имеется понятие — сопротивлении материалов. И в данном случае у отца была перерасходована психическая энергия сверх границ нормы, что привело к проявлению болезни.

В каком именно году отец впервые соприкоснулся с учением теософии, это не смогу сказать.⁴ Но это имело известную связь со сном, в котором отцу предлагали фрукты.

И отныне к весьма серьёзным медицинским исследованиям присоединялись параллельно и изучения в плоскости духа, вначале — в направлении теософии.

Один раз отец даже поехал в Голландию, в Амстердам, где тогда проходил международный теософский конгресс с большим наплывом членов из разных концов света.

Вернувшись с конгресса домой, отец с большим восхищением рассказывал об увиденном и пережитом. Рассказал, что познакомился с японскими профессорами, которые обладали замечательными проявлениями духовных способностей.⁵

В Риге жил некий В. Шибаев, с которым отец, возможно, познакомился как с пациентом. Шибаев, в свою очередь, имел контакт с великим русским живописцем Николаем Константиновичем Рерихом.⁶ Это знакомство в жизни отца стало решающим.⁷ Ибо вскоре после него отец начал переписываться с Николаем Константиновичем и Еленой Ивановной Рерих.

То были незабываемые мгновения, когда отец рассказывал о переписке с этими людьми.

Рождалась мысль о создании Музея общества имени Рериха в Риге и наряду с этим также основании Общества друзей Музея.

Всё двигалось невиданными темпами. Что только ни делалось в этом направлении — всё реализовывалось так чудесно, что можно было только удивляться — как всё это образуется, как падает одна преграда за другой и как часто преграда, создавая лишь большее напряжение, в свою очередь приносит ещё больший успех. Число членов увеличивалось. Всё же отец не беспокоился о количестве, ибо в этом направлении получил указы от Н. К. Рериха. Отец был избран председателем Общества, и абсолютное большинство членов его просто обожали и как человека, и как руководителя. Его слово в Обществе было абсолютным законом. И со стороны Руководителей — Елены Ивановны и Николая Константиновича Рерих — отец был утверждён как идеальный руководитель Общества.

Однажды Н. К. Рерих отправился в Париж. Отец, связавшись с ним, договорился о встрече, и она состоялась.⁸

Конечно, встреча эта с таким мощным Водителем Культуры и Духа, как Н. К. Рерих, оставила в отце неизгладимое впечатление.

По приезде домой казалось, что он стремится вперёд в огненной колеснице. Личная жизнь —

этого понятия для него не существовало. Так же и к детям, которых он любил, он всё же относился не без критики. Если чужой больше нуждался в помощи, он без долгих раздумий решал помочь ему, а не потакать больше капризам своих собственных детей.

Строгое внутреннее убеждение всегда в его жизни было решающим фактором. Мать в возрасте 42 лет, тоже от переутомления, была парализована, был сильный паралич всей правой стороны. Это болезненное состояние повлияло на её способности верно оценивать события жизни, и ей часто не нравилось, что отец отдаёт средства, иногда даже большие, вне дома. Мать по этому поводу часто протестовала, и иногда делала это в довольно острой форме. Всё же и в этом случае отец придерживался взгляда, что семью надо обеспечить, но не баловать сверх меры, и не отказался от прежней привычки поддерживать тех, кто больше в этом нуждался. Также и для общественных предприятий отец давал свои средства — так, чтобы левая рука не знала, что делает правая.

И до сих пор, когда встречаю больных со времён отца, они вспоминают его с самыми светлыми чувствами, как человека, который жил только для общего блага, и даже совсем не считался со своею жизнью, своими силами.

Соприкоснувшись с Учением Живой Этики, отец много читал эти книги и начал обращать большое внимание на процесс мыслетворчества, на рождение, управление и возможное совершенствование его.

Этот взгляд и приоткрыл окно на то, чтобы правильно оценивать способности людей, возможности развития их, и правильно понять механизм, полностью управляющий этим процессом. И здесь-то и осознал отец психическую энергию и действие её как в Космосе, так и в отдельном человеке, и в коллективах людей, и, наконец, в создании правильных отношений между коллективами людей. Все факторы напряжённости на международной арене приняли совсем иную окраску. Надо было начинать во всём разбираться — что идёт с Космическим Магнитом, а что действует руководимое эгоизмом, полностью в противоположность действию Космического Магнита.

Хотя состояние здоровья отца в последнее время резко шло на убыль, тем не менее настроение его всегда было хорошее, потому что он правильно понимал сущность всех вещей.

В отношениях со своими больными и вообще с людьми он развил максимально возможную терпимость. Но, конечно, и у терпения были свои границы. Когда он видел, что человеком руководят просто вождения низшего эгоизма, тогда у его терпеливости была граница и он принимал решение, но и здесь стараясь быть справедливым.

Вот один весьма показательный случай из нашей жизни.

Как известно, часто отцу дочь бывает более близкой; так и мой отец особенно хорошо относился к моей старшей сестре. Когда в 1934 году отец лежал на смертном одре, по телеграмме вызвали старшую дочь, которая тогда жила со своим мужем в другой стране. Приехала сестра. С отцом дело шло к концу. Не помню, какой конфликт ещё произошёл между отцом и дочерью. Но, кажется, она ещё выдвигала отцу какие-то денежные требования. Тогда отец позвал меня в свою комнату и отчётливо-ясно сказал мне в присутствии сестры: когда я умру, оплати ей билет в третьем классе до её города — и больше ничего. У отца денежных сбережений не было никаких. Через несколько дней отец умер. Указание его было выполнено буквально.

Ещё один яркий поучительный пример. Тогда я был довольно сильно подпавшим под власть алкоголя, можно даже сказать, что я чуть не стал алкоголиком. Конечно, для отца это не было тайной.

Медицину и работу, связанную с ней, а также все пристекающие из этого доходы отец рассматривал как дело благотворительности. Его мнение было такое, что нельзя вести с помощью медицины роскошную жизнь, используя все доходы лично для себя и своей семьи, и совершенно исключено, чтобы это была работа не по глубокой убеждённости.

В моей твёрдой приверженности этому отец в то время ещё не был вполне уверен. Поэтому он и не передал в мои руки свои рецепты, зная, что на них можно зарабатывать большие деньги. Но отец дал эти рецепты третьему лицу⁹,

чтобы тот человек приходил приготавливать необходимые мне для работы лекарства. Строгой договорённости, как использовать полученный с больных гонорар, не было. Кажется, так вышло потому, что отец скоро впал в забытьё, из которого, не возвращаясь, стремительно перешёл последнюю границу.

Это наглядно демонстрирует, что сын, которого он очень любил, всё же не послужил поводом дать ему в руки большие доходы, пока его, т. е. моё, человеческое сознание не развилось настолько, чтобы не злоупотреблять слишком эгоистичным использованием средств для себя и своих возможных членов семьи.

Вскоре после смерти отца произошла моя первая женитьба. Но отец в своих видениях уже ясно знал, что женитьба эта будет большим препятствием для совершенствования моей работы и расширения моего сознания.

Отец меня подробно расспросил о всех конкретных обстоятельствах и объяснил мне, что имел видения о моих намерениях жениться. Таким образом, он уже сам по себе, не получая информации от меня, знал о состоянии духовного сознания моей будущей жены.

Слова моего отца были: если можешь обойтись без женщины, советую тебе не жениться, потому что тебе предстоит серьёзная работа, и, будучи холостым, ты сможешь полнее посвятить себя делу. И хотя бы потому, что эта женщина не лучший выбор, ибо она поведёт тебя вниз и ограничит в твоей работе. — Потом он упомянул о другой женщине: если хочешь, женись на ней, у неё характер благородный и она не будет тебя вести вниз. Всё же колесо покатило своей дорогой. И всё исполнилось буквально, как отец и говорил.¹⁰

Перед уходом отца я старался, насколько это было в моих силах, приносить радость отцу и служить ему, потому что осознал, что в чашу его жизни влил немало горьких капель.

Примечания

¹ Феликс Денисович Лукин (6. 2. 1875–28. 3. 1934) окончил в 1899 г. медицинский факультет университета в Тарту (в то время он именовался Юрьевским), после чего стажировался в Вене и других европейских центрах. Его жена Анто-

Незадолго перед уходом отца между нами произошло полное примирение. Отец, к слову, обрадовался, что среди моих книг совершенно случайно нашёл *Гитанджали* Тагора.

Всё же большой разговор между нами не был возможен, потому что со здоровьем отца очень быстро шло к концу, и из-за сильного истощения и утомления ему, к тому же, было трудно начать продолжительный разговор.

Можно восхищаться, как он принимал больных почти до потери последних сил. И лишь тогда прекратил приём, когда получил моё категорическое требование и обещание вместо него принимать больных, а в случаях, когда не будет ясности,— обращаться к нему с книгой больных, чтобы проконсультироваться. Но состояние отца быстро ухудшалось, и уже на второй день я его с книгой больных не беспокоил, а когда заходил к нему, говорил, что со всем справляюсь.

Наша смена мест произошла так быстро, что я не успел прийти в себя в своём новом положении, как уже полным ходом работал в системе отца. Работа для меня была более чем просто привлекательна, потому что в основу работы я положил любовь к человеку.

Судьба меня сминала, рвала, толкала. Но, возможно, для того, чтобы я скорее вбирал в себя всё больший и больший запас психической энергии.

Вскоре вступил я и в Общество друзей Музея Рериха.¹¹ И тогда работа и молитва для меня соединились в единое целое. Только характером я сильно отличался от отца. У меня не было в молодости ни той терпеливости, ни того смирения, которые образуют благородный облик врача. Жизнь и борьба у меня также были более суровыми. И так под суровыми ветрами образовался мой резкий характер борьбы.

15. 01. 1969

ния (1876–1942), журналистка и писательница, печаталась под псевдонимом Иванде Кайя. Детей в их семье было трое: старшая дочь Сильвия, Гаральд (1906–1991) и младший Ивар. ([1], 32–34; [2], II: 568)

² Зельма Гаст ([1], 32–33).

³ Оптация — выбор гражданства, предоставляемый населению территории, переходящей от одного государства к другому.

⁴ По некоторым данным, это произошло уже в студенческие годы ([1], 39–40; [3]).

⁵ Этот эпизод, столь ярко запечатлевшийся в памяти его сына, скорее всего относится к началу 20-х годов.

⁶ Н. К. Рерих познакомился с рижанином В. А. Шибаетым (1898–1975) в Лондоне в конце 1919 г., и после отъезда Н. К. Рериха в сентябре 1920 г. в Америку между ними началась переписка. В своих «Воспоминаниях очевидца» ([4]), которые были записаны им в 1971–1972 гг., Шибаетов опирался в основном на свою память, а та нередко его подводила. Письма от Н. К. Рериха за 1921–1925 гг. ([5]), в которых подробно описаны события тех лет, он в 1928 г. оставил в Риге, и позже они хранились в Обществе ([2], [6]). Как явствует из них, в конце 1921 г. Шибаетов возвращается из Лондона в Ригу, где вокруг него сразу же образуется кружок изучающих Учение Востока. Летом 1923 г. он приезжает на десять дней (27 июля—6 авг.) в Санкт-Мориц (Швейцария) к Рерихам, держащим путь из США в Индию. Через год, 23 июля 1924 г., ему был послан из Индии манускрипт книги Н. К. Рериха «Пути Благословения» для скорейшего печатания в Риге (книга вышла в октябре). В конце декабря 1924 г. он вместе с Н. К. Рерихом отправляется пароходом из Марселя в Индию, проводит месяц с Рерихами в Дарджилинге и возвращается в Ригу. ([5]) В начале сентября 1928 г. он снова отбывает через Марсель в Индию и работает там секретарём Н. К. Рериха до октября 1939 г., когда формально отбыл в «долгий отпуск» (фактически уволен за недопустимое поведение, о чём сообщалось только ближайшим сотрудникам ([2], II: 430–434); ср. даты и последовательность этих событий в его памяти к 1972 г.: [4], 216). В дальнейшем проживал в Индии, а затем в Великобритании.

⁷ В 1936 г. В. А. Шибаетов написал, что первый раз встретился с Ф. Д. Лукиным в 1923 году после своего возвращения в Ригу из Швейцарии. Он рассказывает, что доктор сам пришёл к нему и принёс с собой «объёмистый научный труд по космогонии и духовной философии» (надо понимать, «Тайную Доктрину» Е. П. Блаватской). По ходу беседы Ф. Д. Лукин спросил, нет ли у него других книг на эту же тему, и «я ему дал

первую книгу Живой Этики. Помню, с какой радостью он её принял, и с тех пор мы виделись довольно часто, как правило по вечерам у него дома, когда он закончивал принимать многочисленных больных, всегда наполнявших его приёмную». ([3], 24; [1], 40–41)

Здесь, на наш взгляд, в дополнительном подтверждении нуждается разве что сама дата встречи. Первую книгу Учения Шибаетов получил в мае 1923 г. (на английском, издана в апреле в Нью-Йорке ([5]: 30. 4. 1923)); на русском первая часть «Листов Сада Мории», существенно расширенная, вышла в сентябре 1923 г. в Париже, основной тираж был отослан в Ригу в ноябре ([5]: 23/24. 9. 1923, 31. 10. 1923). С осени 1923 г. и по май 1924 г. Н. К. Рерих опять и опять спрашивает Шибаетова, нет ли вокруг него новых приверженцев Учения, и периодически констатирует, что таковых нет ([5]: 10. 10. 1923, 25. 4. 1924). Надо думать, тот не мог не сообщить ему о Ф. Д. Лукине, однако в письмах Н. К. Рериха вплоть до Центральноазиатской экспедиции (сентябрь 1925 г.) нам не удаётся обнаружить никаких явных или скрытых упоминаний о нём. Поскольку русская вторая книга «Листы Сада Мории» вышла в Нью-Йорке в ноябре 1925 г. ([7]) и к началу 1926 г. должна была дойти до Шибаетова, мы бы пока не исключали того, что его первая встреча с доктором могла произойти и в 1924–1925 гг. (и в таком случае доктор получил от него русскую книгу).

⁸ Это произошло в августе 1930 г., Н. К. Рериха в Париже сопровождал его сын Юрий ([8], 82). Кружок Ф. Д. Лукина был официально зарегистрирован как Общество 13 октября 1930 года, после его возвращения из Парижа ([2], I: 5).

⁹ Это был К. И. Стуре (1877–1961), после кончины Ф. Д. Лукина он два года (1934–1936) был председателем Общества ([2], II: 587). Для родных Ф. Д. Лукина решение вопроса между ними и Стуре о судьбе рецептов происходило настолько болезненно, что первой реакцией Гаральда на это было: «После всего случившегося я отрезан от Общества самое малое на 10 лет» ([6]).

¹⁰ Жена Г. Ф. Лукина, врач Магдалена Шнейдере, будучи дочерью проповедника-адвентиста, не могла смириться со вступлением Гаральда в Общество, и их брак, в котором было четверо детей, впоследствии распался ([1], 48; [2], I: 181, II: 568).

¹¹ Это произошло осенью 1935 г. ([6]).

По некоторым приведённым выше сведениям в использованных современных изданиях встречаются разночтения, неточности и ошибки, однако отмечать их здесь нам показалось не слишком уместным.

Источники

1. Карклия И.-Г.Н. Капли живой воды. Самара, 1997.
2. Письма с гор: В 2т. Минск, 2000.
3. Sirds Gaisma [Свет Сердца: Посвящается памяти д-ра Феликса Лукина]. Рига, 1937.
(На латышском языке.)
4. Н. К. Рерих: Жизнь и творчество. М., 1978. С. 204–216 (выдержки; полностью: Держава Рериха. М., 1994. С. 333–344).
5. Письма Н. К. Рериха к В. А. Шибяеву (архив Латвийского общества Рериха).
6. Рудзитис Р. Дневник. Минск, 2003.
7. Дневники З. Г. Фосдик (архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк).
8. Рерих Ю.Н. Письма. Т. 1. М., 2002.

Публикацию подготовили: Юрий Борисов, Роман Намтаров
Ноябрь 2003 г.

© Ю. Борисов, Р. Намтаров, 2003, публикация, примечания

Опубликовано на сайте: 27. 3. 2004